

годаря последнему. Однако можно предположить, что «понимаемый объект» для самого себя может являться как «понимающий», особенно если это касается «объектов», наделённых сознанием, т. е. сознающих субъектов. Так, любой объект в модусе «понимаемый» может перейти в модус «понимающий» и стать субъектом, наделённым сознанием, и наоборот. Поскольку сознание интенционально, и оно принадлежит собственно «понимающему субъекту» и «понимаемому объекту» в модусе «понимающего субъекта», то можно сказать, что процесс понимания – процесс со-понимания Я и Другого.

Таким образом, интересность «понимаемого объекта» является основанием для появления новых возможностей, реализация которых позволяет осмыслить «понимаемое» и «подняться» на новый, более высокий уровень понимания «понимаемого». Однако остановка на этом однонаправленном процессе понимания есть резкое его ограничение. Несмотря на всю важность осуществления однонаправленного процесса понимания как неперемного условия всего процесса, только со-понимание, или двунаправленный процесс, удваивает, утраивает и т. д. возможности понимания, а их реализация позволяет не только продлить понимание, но и постоянно осмысливать «другого» («понимаемого»), т. е. раздвигать границы понимания другого.

*Саратовская Государственная Академия Права,
кафедра философии,
М. Б. Кузнецова
Саратов*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И «ОБРАЗ ВРАГА» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Толерантность как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, идеям, мнениям, верованиям является одним из основных принципов либерализма, наряду с принципами прав человека, плюрализма и социальной свободы.

В таком понимании проблемы толерантности даже если и будут разрабатываться в теории в соответствии с определенным политическим заказом (как экзогенным, так и эндогенным), то не найдут особого распространения в общественном

мнении. Зададимся вопросом, почему принцип толерантности менее распространен и меньше использовался в обработке массового сознания, чем принцип свободы в течение последних пятнадцати лет в нашем обществе?

Но прежде рассмотрим, как связаны человек и общество, кто из них является субъектом, с тем чтобы увидеть, кто и что заставляет человека быть толерантным или, наоборот, использовать в отношениях с другим образ врага.

Общество – организационная форма коллективной деятельности людей, способ производства социального. Общество представляет собой особый тип систем, которые называются субстанциальными. Это значит, что оно самопорождено и продолжает воспроизводить себя и что оно самодостаточно, то есть способно охранять себя от разрушительных импульсов и управляется в соответствии с внутренними импульсами, а не внешними «толчками». Общество – органическая система в том смысле, что существованию частей предпослано существование целого.

Субъект деятельности – человек, который принимает решение о начале деятельности и контролирует ее ход; ее направленность определяется его собственными потребностями, интересами и целями. Подход к обществу, который называют «социальным атомизмом», ведет начало от софистов и Эпикура, которые считали общество результатом соглашения между отдельными людьми об устройстве совместной жизни. Противоположная точка зрения, социально-философский универсализм, утверждает, что общество не исчерпывается совокупностью входящих в его состав индивидов. На этих позициях стояли Платон, а также Аристотель, для которого не общество производно от человека, а человек произведен от общества, человек вне общества невозможен.

К сторонникам «атомарного» подхода к обществу принадлежит К. Поппер, который писал, «что «поведение» и «действие» таких коллективов, как государство или социальная группа, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей»⁹². Свой взгляд на общество К. Поппер называет «методологическим индивидуализмом» и противо-

⁹² Поппер К. Открытое общество и его враги. Ч. 2. М., 1992, С. 109.

поставляет его «методологическому коллективизму». Но Поппер не отрицает существование наиндивидуальных структур и статусов в обществе.

Совместная деятельность людей рождает устойчивые безличные социальные роли и статусы, которые принимают на себя живые люди, осуществляющие различные профессиональные функции. Совокупность подобных ролей и статусов образует систему социальных институтов, благодаря которым каждый индивид выполняет «общие функции». На человека влияют также наиндивидуальные феномены культуры – системы взаимных отношений между символическими программами поведения, значениями, смыслами и ценностями человеческого поведения. Социокультурная среда оказывает сильнейшую детерминацию наиндивидуальными структурами формирования людей, что позволяет исследователям относить человеческое общество к органическим системам, в которых целое способно оказывать формирующее воздействие на свои части.

Можно придерживаться позиций «универсализма», но нельзя при этом очеловечивать структуры социального взаимодействия, присваивая им способности действующего субъекта. Можно придерживаться позиций «индивидуализма», если он не отрицает существования законов или структур коллективной жизни и их решающего влияния на становление человека и его функционирование в обществе. Не существует других субъектов в обществе, кроме людей, которые выступают при этом, как общественные существа, взаимодействующие и формирующиеся в условиях наиндивидуальной социокультурной среды.

В наши дни популярны идеи единства, универсальности, консолидированности стран и народов для решения стоящих перед ними глобальных проблем. Новые философские идеи исходят из примата гуманитарных ценностей. Период доглобального бытия человеческих общностей завершен. Наступила эпоха ядерно-глобального синхронизма. А это значит, что «есть предел взаимной отчужденности, недоверия и ненависти, за которым первый случайный выстрел может вызвать катастрофу... Национальная безопасность, национальный суверенитет – прекрасные вещи. Но сегодня нужно что-то еще. Нужно пойти на риск доверия к людям, говорящим и думающим не по-ваше-

му. Нужен дух диалога, нужна культура несогласия, споры без ненависти. Иначе невозможен нравственный, а за ним и политический переход на глобальную точку зрения. Солидарность человечества выше всех частных принципов»⁹³.

Однако такие рассуждения в условиях парламентного кризиса в нашей стране становятся менее популярными по сравнению с восьмидесятыми – девяностыми годами XX века.

И, если верить П. Гуревичу⁹⁴, не только в нашей стране. В конце XX столетия философы и культурологи сделали поразительное открытие: оказывается, дальнейшему развитию человечества мешают мировые религии. В начале семидесятых годов группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, что различные религии внутренне соприродны друг другу. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога, но завершилось все это иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию.

Дело в том, что процесс секуляризации, начавшийся с эпохи возрождения, сменился, по принципу маятника, другим: мир двинулся в сторону религиозности. Социологи называют этот феномен «реваншем богов». Широко развернулась критика рационалистической традиции, возник обостренный интерес к вере. Религиозный бум не связан с экуменизмом. Он происходит в форме рехристианизации, реиндизации и реисламизации мира.

Рождаются мощные фундаменталистские движения. Они апеллируют к традиции и на ее базе развенчивают иллюзии прогресса, но не предлагают вернуться назад, а предлагают новый социальный идеал. Европа столкнулась с исламской угрозой, хотя далеко не все согласны это осознать. Громко заявил о себе афроцентризм. Япония возвращается в Азию на базе поэтизации расы, Индия идет к «индуизации», Ближний Восток к реисламизации. Американский социолог Сэмюэл Хантингтон предсказал грядущее противоборство цивилиза-

⁹³ Век XX и мир. 1987. № 5. С. 12-13.

⁹⁴ Гуревич П. Образ врага. «Непохожее надо уничтожить...». Независимая газета. 2001. 14.03.

ций, основанных на различных религиях. Взаимовлияние религий исчерпало себя, настало время отторжения.

С точки зрения культурологии человек и культура в целом нуждаются в самоидентификации – восприятии собственных корней, почвы, ценностей, помогающих человеку осознать свою жизнь как имеющую смысл и порядок, ориентированную на некие стандарты и образцы. Каждая культура отвечает на эти потребности, выражая себя как некую особость, высказывая свои ценности и смыслы. Эти процессы требовали механизма противопоставления по принципу «мы» и «они». Сталкиваясь с другими укладами и традициями, непонятными нравами, культуртрегеры нередко отвергали все «не свое» как чуждое, опасное, осуждаемое. Так возникал «образ врага», который был нужен данной общественной системе и приносил свои чаемые плоды, служа консолидации людей и сохранению своей независимости. Этот механизм наполнялся многообразным содержанием в различные исторические эпохи – религиозным, классовым, политическим, национальным и т. п.

Есть ли у общества другие способы консолидации, кроме лепки образа врага, задаются вопросом исследователи? Конечно, есть. Но уже сложились устойчивые психологические механизмы, отработаны социальные и политические технологии, развернуты институты имиджмейкерства, созданы сложные типы персонификации зла.

Мир не может обойтись без исламской угрозы, тоталитарных сект, коммунистического реванша, бездельников-безработных, олигархов и т. д. и т. п.

Но в XX веке философы писали о диалоге, о мире человеческих окликаний, о хрупкости человеческого бытия, чья сохранность зависит от умения отозваться, понять другого, услышать голос, голос постороннего, понять его как особую точку зрения.

Отсюда, в какой-то мере, и идея толерантности вырастает и находит своих последователей и защитников.

Однако укорененность в культуре идеи толерантности достаточно проблематична. То общество, которое сегодня пропагандирует эту идею, исходит из идеи свободы личности как высшей ценности, которая ограничивается только свободой другой личности. Но вот современная коллизия: наша

Русская Православная церковь не признает такую идею свободы. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в беседе в программе «Зеркало» в марте 2001 г. объяснил, в чем церковь видит недостатки диалога с Западом. Запад предлагает свои цивилизационные стандарты в качестве основы для глобализации в единый мир. Они были выработаны без диалога с другими цивилизациями, производные прежде всего от ценностей протестантизма. Православная религия утверждает, что свобода имеет границы – это границы греха. Мы выступаем, говорит Митрополит Кирилл, против гомосексуализма, против абортот, против такого использования частной собственности, когда она приводит к разрушениям и несправедливости. Нужен диалог, нужно, чтобы и другие цивилизационные стандарты учитывались при формировании правил проживания в едином мире. Однако этого не происходит.

Сама идея толерантности оказывается производной от конкретики законов или структур коллективной жизни западного общества, соответствует потребностям, интересам и целям членов этого общества, теряет свое содержание и привлекательность, будучи обращенной вовне, в реальной политической практике международной жизни. Она выгодна сильному западному обществу, которое относится к обществам Первого эшелона. Общества Второго и Третьего эшелонов вынуждены принимать подобные стандарты, которые оборачиваются для них потерей собственной самодостаточности. Отсюда неизбежно сопротивление и та непопулярность идеи толерантности, о которой было сказано в начале нашего текста.

*Кандидат философских наук
И. В. Цветкова
Тольятти*

«ДРУГОЙ» В ФИЛОСОФИИ Э. МУНЬЕ

Проблема формирования образа «другого» имеет большое значение для персоналистов. Французский философ Э. Мунье характерной чертой современного общества считает обезличивание. Каждая личность мало-помалу отвергает себя в пользу безличного «он». «Идеи, действия лишаются